

Глогера, насілі суконныя чамары з кароткімі рукавамі, якія абшываліся шnurкамі на грудзях і каля пояса [4, с. 152]. Азначаныя навукоўцы адносяць чамару да мужчынскага адзення.

Аднак у актавых документах разглядаемага перыяда чамара згадваецца сярод жаночага адзення. У «оходстве белогловском» (уладанні замужняй жанчыны – аўт.) мяшчанкі Паланеі Іванаўны на 1650 г. знаходзілася некалькі «...чамарах кунных, лисих...» [5, арк. 81 адв.]. Адна чамара была незаконна ўзята полацкім мешчанінам і краўцом Стэфанам Васільевічам з магістрацкімі слугамі ў Кацярыны Паўлоўскай (1650 г.) [11, арк. 105–106]. Чамара прысутнічае ў тастаменце полацкай мяшчанкі Настассі Пракопаўны Васільевай Паўковай, а менавіта: «...чамару, лисами подшытую, чорную, фалендышовую...» (1656 г.) [12, арк. 98адв.]. Была яна і ў мяшчанкі месца Полацк Міхайлавай Якубовічавай Кантаравай: «...чамара люндышовая, чорная, баранамі подшитая чорными...» (1657 г.) [1, арк. 237].

Такім чынам, адзенне полацкіх мяшчанак сярэдзіны XVII стагоддзя складалася з розных відаў плечавога і верхняга адзення. Заможным мяшчанкам з Полацка ў азначаны час было ўласціва перайманне некаторых відаў адзення шляхціянак. Гэта можна прасачыць па аднолькавых назвах відаў адзення, што згадваюцца ў актавых матэрыялах сярод рэчаў як прывілеяваных жанчын, так і заможных мяшчанак. Аднак, дарагое адзенне жыхаркі Полацка не магло сабе дазволіць з-за адсутнасці матэрыяльных сродкаў, а калі яны былі, то існавалі сацыяльныя абмежаванні.

Простыя мяшчанкі апраналіся больш сціпла, на пашыў іх адзення выкарыстоўваліся танныя тканіны і недарагое футра.

Літаратура

1. Апісанне маёмасці полацкай мяшчанкі Міхайлавай Якубовічавай Кантаравай, перадача дадзенай маёмасці яе унуку Яну Базылевічу Баравому і перадача Яна апекуну полацкаму мешчаніну Гаврыле Баравому. 23 лютага 1657 г. //Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Мінск (НГАБ). – Фонд 1823. – Воп. 1. – Спр. 1. – Арк. 236 адв. – 237.
2. Бохан, Ю.М. Побыт феадалаў Вялікага Княства Літоўскага ў XV – сярэдзіне XVII стагоддзя / Ю.М. Бохан, А.А. Скеп'ян. – Мінск: Беларусь, 2011. – 271 с.
3. Бялявіна, В.М. Жаночы касцюм на Беларусі / В.М. Бялявіна, Л.В. Ракава. – Мінск: Беларусь, 2007 – 350 с.
4. Бялявіна, В.М. Мужчынскі касцюм на Беларусі / В.М. Бялявіна, Л.В. Ракава. – Мінск: Беларусь, 2007 – 303 с.
5. Вырак на справе полацкіх мяшчан Васіля Філіпавіча Касабуцкага з Якавам Астаф'евічам Наплекхай і Мікалаем Каменкай, апекунамі дзяцей і маёмасці нябожчыка Івана Наплекхі, пра частку спадчыны, якая на тастаменту памерлага прыходзілася жанцы В.Ф. Касабуцкага Паланеі Іванаўне // НГАБ. – Фонд 1823. – Воп. 2. – Спр. 1. – Арк. 81 – 82.
6. Дук, Д.У. Полацкія палачане (IX – XVIIIстст.) / Д.У. Дук. – Наваполацк: ПДУ, 2010. – 180 с.
7. Матэрыяльны ўмовы жыцця. Адзенне // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1: Абаленскі-Кадэццыя / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; Маст. З.Э. Герасімовіч. – Мн.: БелЭн, 2005 – С. 91 – 96.
8. Молчанова, Л.А. Очерки материальной культуры белорусов XVI – XVIII вв. / Л.А. Молчанова. – Минск: Наука и техника, 1981. – 112 с.
9. Паведамленне полацкай мяшчанкі Марушы Якімаўны Сцяпанавой Цітовічавай, што яна са сваім мужам Сцяпанам Цітовічам не збягала з Полацка, а ездзіла ў госці да родзічаў. 15 мая 1657 г. // НГАБ. – Фонд 1823. – Воп. 1. – Спр. 1. – Арк. 404 адв. – 405.
10. Паведамленне полацкіх мяшчан Марціна Шчаснага і яго жонкі Марыі Радзідаўны аб крадзяжку з іх клеці ў Полацку на Бацэчкавай вуліцы. 29 красавіка 1657 г. // НГАБ. – Фонд 1823. – Воп. 1. – Спр. 1. – Арк. 374 – 374 адв.
11. Справа Кацярыны Паўлоўскай з полацкім мешчанінам і краўцом Стэфанам Васільевічам пра незаконнае забранне з магістрацкімі слугамі яе чамары. 7 лютага 1650 г.// НГАБ. – Фонд 1823. – Воп. 2. – Спр. 1. – Арк. 105 – 106.
12. Тастамент полацкай мяшчанкі Настассі Пракопаўны Васільевай Паўковай. 1 снежня 1656 г. // НГАБ. – Фонд 1823. – Воп. 1. – Спр. 1. – Арк. 98 – 99.
13. Тастамент полацкай мяшчанкі, радцавай Тацяны Якаўлеўны Амельянавае Шереметавае. 8 ліпеня 1657 г.// НГАБ. – Фонд 1823. – Воп. 1. – Спр. 1. – Арк. 471 – 474адв.
14. Уладзік, Н.Н. Одежда белорусов в XVI – XVIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы: Материалы к историко-этнографическому атласу, М., 1986. – С.133 – 145.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО В СИСТЕМЕ МЕСТНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

И.Н. Трестьян, БГПУ (Минск)

Должность генерал-губернатора появилась в начале XVIII в. В то время она имела название наместник, т. е. тот, кто представлял власть на местах [3, с. 3]. Наместничество до второй половины XVIII в. не было широко распространено. Однако, как указывает в своей работе историк права И.А. Блинов, и до, и при Петре I, «звание наместник не давало никакой власти и никаких прав ... Оно было лишь почетным титулом» [2, с. 47]. Но были и исключения.

Со вступлением Екатерины II на императорский престол и началом ее политической деятельности положение генерал-губернатора изменилось. Это было связано с введением в действие в 1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи» [10, с. 229]. В нем прописывались обязанности, задачи, привилегии и винопроизводство генерал-губернатора.

По замыслу Екатерины II, генерал-губернатор должен был выполнять функцию надзора и не иметь отношения к функции управления, которой наделялся губернатор. Следовательно, губернатор отвечал за то, «правильно ли он распорядился или исполнил», а генерал-губернатор, как власть надзирающая, отвечал за то, «не допустил ли он здесь в молчании и не взыскании исправительного распорядка или исполнения губернаторам» [9, с. 33]. На практике эта идея не была реализована, так как «роль генерал-губернаторов не могла ограничиться местным надзором, к этому присоединился и общий административно-политический надзор ... с правом исправления» [2, с. 233]. Более того, как отмечал в своей работе российский публицист и юрист В.М. Гессен, «государев наместник стоял вне губернского правления, а над ним» [4, с. 30]. Это свидетельствует о том, что генерал-губернатор был выше закона, а его власть приобретала личностный характер.

На должность генерал-губернатора чаще всего назначалось доверенное лицо императора, с которым он поддерживал личный контакт. Независимо от своих проступков и деятельности генерал-губернатор получал непосредственную защиту со стороны императора. Генерал-губернатор обычно назначался на две губернии. Он был «представителем высшей правительственной власти на месте, выражая собой начало авторитета власти» [2, с. 155]. Генерал-губернатор обладал широкими полномочиями и был ответственным только перед императором. Его власть распространялась на органы суда, полиции, провиантские и налоговые службы, таможенно. Он должен был «предотвращать незаконность, подавлять тиранию и жестокость в отношении слабейших» [1, с. 76]. Под надзором генерал-губернатора находились финансы, рекрутские наборы, строительство учебных заведений, отделения центральных банков [3, с. 4]. Ему подчинялись войска, находившиеся на вверенной ему территории. Генерал-губернатор осуществлял надзор над исполнением законов, губернским правлением, губернатором, а также координировал действия различных чиновников на местах. Когда генерал-губернатор отчитывался перед императором в Санкт-Петербурге, он также мог заседать в департаменте Сената, который относился к делам его губернии.

Что касается взаимоотношения генерал-губернатора и министерств, они практически не были определены. Хотя указ от 8 апреля 1829 г. в некоторой степени их прояснял. Генерал-губернатор был обязан «ставить в известность» министров о своих действиях во «всеподданнейших донесениях», а министр отдавал административные распоряжения подведомственным учреждениям через генерал-губернатора [9, с. 34].

Несмотря на введение должности гражданского губернатора, общий надзор и верховенство оставались за генерал-губернатором [3, с. 4]. Однако следует отметить, что «Учреждения ...» 1775 г. нечетко разграничивало обязанности губернатора и генерал-губернатора. Тем не менее, оговаривались приоритетные права генерал-губернатора над должностью губернатора: право представлять непосредственно о делах вверенного края монарху и от него непосредственно получать приказы; все отношения губернатора с центральными органами управления и обратно в важнейших случаях шли через генерал-губернатора; никакое новое мероприятие, касавшееся края, не могло осуществляться без согласия генерал-губернатора; представление местных чиновников (за исключением чинов судебных и контрольных) к наградам за особые заслуги сопровождалось ходатайством от генерал-губернатора [5, с. 135].

Должность генерал-губернатора в белорусских землях была введена в 1772 г. после первого раздела Речи Посполитой. Ее введение и функционирование было сопряжено с определенными особенностями. Во-первых, белорусские губернии практически всегда находились на военном положении, и поэтому на должность генерал-губернатора чаще всего назначались военачальники. Во-вторых, как подмечает в своей работе историк А.А. Киселев, «генерал-губернаторы ... считались с интересами поместного дворянства и польской аристократией ... что позволяло генерал-губернатору ... получать информацию о настроении местного поместного дворянства ..., и неофициальным образом доводить до него требования и пожелания императора» [8, с. 69].

С приходом к власти императора Павла I наместничество во внутренних губерниях империи было упразднено. Ликвидация должности наместника спровоцировала рост безнадзорности местных государственных учреждений, злоупотреблений и произвола со стороны чиновников [6, с. 132]. В белорусских землях институт генерал-губернаторства упразднен не был, а трансформировался в новую форму – институт военного губернатора. Главная причина такого рода преобразований – пограничное положение этих губерний.

Во время правления императора Александра I было несколько попыток возродить местный надзор. Они не увенчались успехом.

Следует отметить, что институт генерал-губернаторства сохранился лишь в тех губерниях Российской империи, где по политическим соображениям была нужна сильная власть. Разумеется, после восстания 1830–1831 гг. в число таких губерний попали и белорусские губернии, причем в них функции генерал-губернаторов даже расширились [8, с. 68]. Так, им было предоставлено право

вводить военное положение, не получая даже разрешения императора [7, с. 69]; право составлять примерные штаты с учетом местных условий и подавать их на рассмотрение государю; назначать самостоятельно лиц на должности с введением в чин до титулярного советника [12, с. 48]. С 30 октября 1843 г. генерал-губернатору разрешалось вместо военных уездных начальников иметь при себе до четырех чиновников особых поручений для «исполнения дел особенной важности и наблюдения в политическом отношении» [8, с. 68].

Отсутствие четкой регламентации и определения обязанностей генерал-губернатора привело к тому, что 29 мая 1853 г. была издана общая инструкция для генерал-губернаторов [11, с. 260–261]. Согласно ей генерал-губернатор объявлялся «блюстителем неприкосновенности права самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжения высшего правительства ..., блюститель порядка ревизирующий все действия мест и лиц ему подвластных» [11, с. 260]. Генерал-губернатор должен был осуществлять надзор над общим благосостоянием и внутренней безопасностью, народным здравоохранением и продовольствием, общественным хозяйством, а также исполнением правосудия и определением личного состава местного управления. Инструкция также определяла взаимоотношения генерал-губернатора с верховной властью, органами государственного управления и губернскими учреждениями.

После вступления на престол императора Александра II, в 1856 г. Сенат издал указ, согласно которому институт генерал-губернаторства был упразднен во внутренних губерниях России. Помимо этого, упразднилось генерал-губернаторство в составе Витебской, Смоленской и Могилевской губерний. Однако на окраинах, к которым относилось и Виленское генерал-губернаторство, институт генерал-губернаторства просуществовал до 1 января 1912 г.

Таким образом, генерал-губернатор, с одной стороны, представлял интересы своего края, а с другой, проводя имперскую политику на вверенной ему территории, выступал посредником между центральной властью и местными органами власти. Главная его функция состояла в осуществлении надзора. Учитывая то, что белорусские губернии практически всегда находились на военном положении, полномочия генерал-губернаторов, служивших на данной территории, были значительно расширены в сравнении с полномочиями генерал-губернаторов других окраин Российской империи.

Литература

1. Анішчанка, Я.К. Беларусь у часы Кацярыны II (1772 – 1796 гады) / Я.К. Анішчанка; пад рэд. У.А. Сосны. – Мінск: ЗАТ «Веды», 1998. – 211 с.
2. Блинов, И.А. Губернаторы / И.А. Блинов. – СПб.: Типолитография К.Л. Пентковского, 1905. – 360 с.
3. Бригадин, П.И. Минские губернаторы / П.И. Бригадин, А.М. Лукашевич. – Минск: Гос. ин-т управления и социальных технологий Бел. гос. ун-та, 2009. – 351 с.
4. Гессен, В.М. Вопросы местного управления / В.М. Гессен. – СПб.: Изд-ние юрид. книжного склада «Право», 1904. – 235 с.
5. Грибовский, В.М. Государственное устройство и управление Российской империи / В.М. Грибовский. – Одесса: типография «Техник», 1912. – 268 с.
6. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н.П. Ерошкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 352 с.
7. Зенчанка, С. Усталяванне расійскай сістэмы кіравання / С. Зенчанка // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцыXVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / А.А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – Кн. 1.– с. 62 – 79.
8. Киселев, А.А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. / А.А. Киселев. – Минск: Военная академия Республики Беларусь, 2007. – 171 с.
9. Морякова, О.В. Система местного управления России при Николае I / О.В. Морякова. – М.: изд-во Московск. ун-та, 1998. – 268 с.
10. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). – 1-е собр. – Т. 20. – Спб., 1830. – № 14392.
11. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 28. – Спб., 1854. – № 27293.
12. Шаўкапляс, В.А. Асаблівасці арганізацыі мясцовых органаў кіравання і суда ў Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XIX ст. / В.А. Шаўкапляс // Вес. Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. – 1972. – № 2. – С. 47–56.

РОЛЯ ПРывАТНАГА КАПІТАЛУ ў ФАРМІРАВАННІ СУХАПУТНАЙ ТРАНСПАРТНАЙ СІСТЭМЫ БЕЛАРУСІ (1795 — 1914 ГГ.)

А.У. Канойка, БДПУ (Мінск)

Фарміраванне сухапутнай транспартнай сістэмы Беларусі ў адзначаны перыяд патрабавала ад сістэмы кіравання велзарных фінансавых сродкаў і чалавечых рэсурсаў. Таму, царскія ўлады з пачатку XIX ст. праводзілі актыўную палітыку з мэтай прыцягнення прыватнага капіталу ў дарожную сферу [1, л. 2–26; 2, л.1–9]. Важную ролю ў гэтым адыгрывалі земствы, якія ажыццяўлялі функцыі мясцовай ўлады і займаліся гаспадарчай дзейнасцю. Фактычна, земствы пад кіраўніцтвам Міністэр-